

Ганелина А.Ф.

**КОНЦЕПЦИЯ «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ГРЕХА»:
СМЫСЛ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ КРИТИКИ[©]**

*Институт философии Российской академии наук,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, anna.fed.mak@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается концепция «экологического греха», сравнительно недавно появившаяся в экотеологическом дискурсе; отмечаются основные вехи развития этой концепции в текстах и выступлениях религиозных (христианских) и секулярных мыслителей, потенциальные дидактические перспективы, а также уязвимости идеи «экологического греха». Автор приходит к выводу о вероятной несостоятельности термина «экологический грех» как с христианской, так и секулярной точек зрения.

Ключевые слова: экотеология; экологический грех; экологическая этика; христианская философия; тотальная порочность.

Поступила: 02.08.2024

Принята к печати: 30.08.2024

© Ганелина А.Ф., 2024

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-00581 «Современная экологическая повестка: религиозный и секулярный взгляды».

Ganelina A.F.

**The concept of “ecological sin”:
the meaning and the main lines of criticism[©]**

*RAS Institute of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, anna.fed.mak@gmail.com*

Abstract. The article examines the concept of “ecological sin”, which has recently appeared in ecotheological discourse; the author identifies the main stages in the development of this concept in the texts and speeches of religious (Christian) and secular thinkers, its didactic potential, as well as the vulnerabilities of the idea of “ecological sin”. The author comes to the conclusion about the probable inconsistency of the term “ecological sin” from both Christian and secular points of view.

Keywords: ecotheology; ecological sin; environmental ethics; Christian philosophy; total depravity.

Received: 02.08.2024

Accepted: 30.08.2024

В истории мысли иногда происходит заимствование понятий и их адаптация, «миграция» терминов между близкими областями – например, между математикой и философией науки, лингвистикой и философией языка, этикой и нравственным богословием. Такой процесс происходит, по-видимому, с понятием «грех», теологическое (или, точнее, религиозное) происхождение которого не мешает ему претендовать на выполнение метафорических, этико-нормирующих или даже запретительных функций в новых для него контекстах. Наиболее часто, говоря о грехе, имеют в виду новозаветную квалификацию этого феномена как «промаха, непопадания в цель, преступления» (греч. ἁμαρτία), однако можно возвести понятие греха к ветхозаветным сюжетам или к иным религиозным толкованиям, например, в иудаизме (ивр. חטא) или в исламе (напр., араб. ذنب или حرام). Секуляризация понятия «грех» происходит по нескольким направлениям: грех может мыслиться как нарушение этических или даже юридических норм, но кроме того, «грех»

© Ganelina A.F., 2024

Acknowledgments: The research is financially supported by Russian Science Foundation No 23-28-00581 “Modern environmental agenda: religious and secular views”.

присутствует в общей языковой картине мира, в обыденном сознании¹ – и именование некоего действия грехом часто является стилистической вольностью, а нередко употребляется иронически.

Проблемы экологической этики традиционно обсуждаются представителями или исследователями христианских деноминаций, а также в широком религиозном контексте: в дискуссии участвуют представители ислама, буддизма, иудаизма, даосизма и других систем верований; кроме того, экологическая этика стала одним из продуктивных направлений межрелигиозного диалога, поводом для общения вокруг доктринально нейтральных тем². Действительно, экологическая этика актуальна для многих религиозных (и секулярных) философских систем³, но в этой статье мы останемся в рамках христианских деноминаций и их терминологических особенностей.

Кроме наращивания межконфессионального значения, экологическая этика становится одной из буферных зон между христианским богословием и внерелигиозной философией: определения и нормы, предлагаемые публичными лидерами церквей, предполагаются важными к учету и исполнению всем обществом, а не только членами этих церквей. В некоторой степени можно назвать «экологический грех» элементом гражданской религии – только не

¹ См., напр.: [Клочан, 2016], [Гуренко, 2015].

² Например, *That All May Flourish: Comparative Religious Environmental Ethics* / ed. L. Hartman. – Oxford : Oxford University Press USA, 2018. – 328 p., где предлагаются оптики нескольких религий по поводу заботы о природе, а также особые подглавки «Диалог», содержащие дискуссию авторов; отметим также исследование: *Marshall G. Communicating with religious communities on climate change: Research overview and emergent narratives* // *The journal of interreligious studies*. – Newton, 2014. – N 19. В более раннем исследовании: *Knitter P. One Earth, Many Religions: Multifaith Dialogue and Global Responsibility*. – Maryknoll : Orbis, 1995. – 218 p. экологическая проблематика рассматривается как основа для межрелигиозного диалога. Кроме того, проходят межконфессиональные мероприятия с весомой этико-экологической повесткой (напр., XI заседание Совместной российско-иранской комиссии по диалогу «Православие – Ислам» (Тегеран, 2018); X Ассамблея крупнейшей межрелигиозной международной организации *Religions for Peace* (Линдау, 2019)).

³ Среди современных секулярных философских направлений проблему антропогенного влияния на природу (как и сам статус природы, вопрос о соотношении природы и культуры) активно обсуждают в постгуманизме (см., напр., работы Р. Брайдотти, Д. Харауэй, А.И. Криман).

в политико-идеологическом, а в руссоистском смысле, как часть современной «религии человека»¹: «...без храмов, без алтарей, без обрядов, ограниченная чисто внутреннею верою во всевышнего Бога и вечными обязанностями морали» [Руссо, 1998, с. 316]; полагаю, определение Руссо для экологической этики необходимо редуцировать, оставив ограничителем только «вечные обязанности морали».

История термина

Понятие «экологический грех» появляется в публикациях 90-х годов XX в.: так, У. Беккер в статье 1992 г. (которая так и озаглавлена – «Экологический грех») рассматривает эту концептуальную «новеллу» в контексте последствий первородного греха – и этот ракурс, на мой взгляд, наиболее продуктивен и фундирован; кроме того, Беккер вводит и анализирует понятия «экологической религии», «экологического покаяния» и даже «экологических репараций» (следствие покаяния, выраженное в решениях и действиях) [Becker, 1992, p. 158–163]. Для нашего дальнейшего рассуждения будет также важна идея «тотальной порочности» (*total depravity*)² человеческой природы, о которой напоминает автор, впрочем, сев-туя на непопулярность в современном дискурсе и общехристианского учения о первородном грехе, и представления о «тотальной порочности», более деноминационно специфического.

Важная веха в обсуждении идеи «экологического греха» – деятельность Вселенского патриарха Варфоломея, именуемого иногда «зеленым патриархом» за устойчивый интерес к экологическим темам. «Люди разрушают биологическое разнообразие в творении Божиим; люди нарушают цельность земли и способствуют перемене климата, оставляя землю голой после выруб-ки природных лесов либо осушая ее водоемы; люди загрязняют воды,

¹ В главе «О гражданской религии» трактата «Об общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо выделяет «священническую религию», «религию гражданина» и «религию человека», в кратком сравнительном анализе отдавая предпочтение последней.

² «<Тотальная порочность> – это всепроникающее присутствие греха <...> во всех аспектах человеческого разума (не только в наших эмоциях и воле, но и в нашем разуме) и во всех аспектах человеческого общества» [Becker, 1992, p. 155].

почву, воздух: все это грехи»; «преступление против природы есть преступление против нас самих и грех против Бога»¹. Позже Варфоломей говорил уже более явно о необходимости расширить понятие греха, дополнив него «новым подвидом» – экологическим.

Глава другой христианской деноминации, Римско-католической церкви, – Папа Римский Франциск – также уделяет большое внимание экологическим проблемам в целом и вопросу «экологического греха» в частности: один из наиболее показательных документов в этом контексте – энциклика 2015 г. *Laudato si'* «О заботе об общем доме»; этот текст заметно оживил экотеологическую дискуссию. Статьи энциклики, близкие по сути к теме «экологического греха» и «экологического обращения», дают противоречивые сигналы: с одной стороны, большое внимание уделяется социальному измерению экологических проблем², важности человеческого усилия во «вращивании экологических добродетелей» и создании «экологической гражданственности» (ст. 211), а с другой – признается тщетность таких усилий без радикального внутреннего изменения в человеке: «218. Чтобы предложить здоровые отношения с творением ввиду целостного обращения личности, вспомним пример святого Франциска Ассизского. Это также требует признания собственных ошибок, грехов, пороков или упущений и сердечного покаяния, изменения изнутри. Епископы Австралии смогли выразить обращение в терминах примирения с творением: “Для достижения этого примирения мы должны испытать наши жизни и

¹ Выступление в Санта-Барбаре, Калифорния (8 ноября 1997 г.).

² «...сегодня мы не можем не признавать, что подлинно экологический подход все больше становится подходом социальным, что он должен дополнять дискуссии об окружающей среде справедливостью, чтобы слышать как стенание земли, так и стенание бедных.

111. Экологическая культура не может сводиться к серии неотложных и частичных ответов на проблемы, касающиеся разрушения окружающей среды, истощения природных запасов и загрязнения. Необходимы иной взгляд, иное мышление, иные политика и воспитательная программа, образ жизни и духовность, формирующие сопротивление в условиях прогрессирования технократической парадигмы. Иначе даже лучшие инициативы экологов могут оказаться в плену все той же логики глобализации. Искать лишь техническое решение любой встающей перед нами экологической проблемы – значит изолировать то, с чем в реальности существует связь, и утаивать истинные, глубочайшие проблемы мировой системы» [Pope Francis, 2015].

осознать то, каким образом мы причиняли вред Божьему творению нашими действиями и нашей неспособностью действовать. Мы должны пережить обращение, или изменение сердца»¹ [Pope Francis, 2015, par. 218]. Суть этого «обращения» (*conversion*) – в проявлении «всех последствий их (христиан. – А.Г.) встречи с Иисусом», «осуществление призвания быть хранителем Божьего творения». Кроме того, «экологическое обращение», по мысли Франциска, должно быть «общинным», то есть коллективным, таким образом, это событие выходит за рамки привычных христианских практик, предполагающих прежде всего личное духовное делание (плоды которого, впрочем, являются вовне).

Позже, в 2019 г., на Синоде епископов Паназиатского региона, в котором принимал участие Франциск, понятие «экологического греха» продолжило оформляться: «Было также выражено стремление к “экологическому преобразованию”, которое позволило бы людям увидеть тяжесть грехов против окружающей среды как грехов против Бога, против ближнего и против будущих поколений. Это подразумевает необходимость создания и более широкого распространения богословской литературы, которая включала бы “экологические грехи” наряду с традиционными грехами»². В итоговом документе Синода мы находим дефинитивный пассаж – то, как определяется «экологический грех», и именно это определение можно считать основным: «Мы предлагаем определить экологический грех как действие или бездействие против Бога, против ближнего, общества и окружающей среды. Это грех против будущих поколений, совершаемый в действиях и привычках, загрязняющих и разрушающих гармонию окружающей среды. Это нарушение принципов взаимозависимости, разрушение сети солидарности между существами (ср. Катехизис Католической Церкви, 340–344) и добродетели справедливости» ([Pan-Amazon Bishops’ Synod]). В указанных статьях катехизиса действительно постулируются (но без доказательств, как и принято в катехизических текстах) взаимозависимость творения, красота вселенной, которая «должна внушать уважение и вести к повиновению человеческого ума и

¹ Представлен официальный перевод Ватикана.

² Серия пост-релизов размещена на *Vatican News* – в частности, цитируемый назван «Церковь исповедует “экологические грехи”» – <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2019-10/amazon-synod-day-2-the-church-confesses-ecological-sins.html>

воли», иерархия творения и солидарность всех созданий. Итак, «экологический грех» оказывается вписан в эти представления о мироздании как нарушающий установленный порядок, причем катехизис (а значит, и общекатолическое мнение) видит человеческую агентность условной, как повиновение замыслу Бога, но никак не описывает случаи нарушения. «Экологический грех» же позволяет учесть эту ситуацию неповиновения, и тогда становятся понятными предложения ввести «экологический грех» в тот самый катехизис как развитие католико-экологической мысли: на XX всемирном конгрессе Международной ассоциации уголовного права в Риме Франциск заявил, что «...мы должны внести – мы думаем об этом – в Катехизис Католической Церкви грех против экологии, “экологический грех” против нашего общего дома» [Connolly, 2021, p. 80].

В основных документах Русской православной церкви¹ термина «экологический грех» в явном виде не встречается, но отмечаются «многообразные проявления греховного отношения к природе», а в «Основах социальной концепции» указан первородный грех как источник экологической разбалансированности (пункт XIII.2.), – отмечу, что стилистически тексты РПЦ заметно более архаичны, и терминологические новшества (вроде «экологического греха») для них не характерны. От понимания «греховного отношения к природе» до термина «экологический грех», казалось бы, всего один шаг, но его РПЦ не делает; предположу, что причина в гораздо более низкой интенсивности экотеологической дискуссии по сравнению с другими христианскими деноминациями: оказывается незачем (или некому) начинать спор о необходимости введения «нового греха». Другое предположение: «экологический грех» воспринимается как частный случай нарушения заповеди «возделывать и хранить» сад (Быт. 2:15) или заповеди любви к ближнему; в таком случае необходимости особо его выделять также не возникает.

Итак, наиболее активно в популяризации термина «экологический грех» поучаствовали Вселенский патриархат и Римско-католическая церковь (кроме Франциска, об экологических проблемах много говорил и Бенедикт XVI, а Иоанн Павел II еще в

¹ Например, в «Позиции Русской Православной Церкви по актуальным проблемам экологии».

2002 г. подписал с Варфоломеем «Общую декларацию по экологической этике»). Важно, что во всех случаях суть и последствия этого «греха» масштабируются до всего человечества, а призыв к «покаянию» адресуется не только церкви, но и светскому обществу, а значит, оказывается в поле нерелигиозной этики и претендует там на учреждение новой нормы. В таком случае необходимо поразмышлять, насколько идея «экологического греха» состоятельна в теологическом и в философском (этико-антропологическом) смысле. Что это – эвристически и духовно полезная новелла, продуктивная метафора или профанация важной религиозной категории?

Критика концепции «экологического греха»

Понятия «грех», «покаяние», «вина», «искупление», «обращение» весьма значимы для религиозного сознания, но и в светской¹ этике они обрели своё место – скажем сразу, через редукцию смысла каждого из них. Особенно это заметно на примере события покаяния, которое в христианской парадигме означает «метанойю», перемену ума и последующее за этим обретение новой природы, «рождение свыше». При разнообразии трактовок «рождения свыше» в христианских деноминациях остается ключевая его особенность: в этом событии со-участвуют и человеческое волеие, и Божественное, причем ни человек, ни Бог не действуют по необходимости (принуждению), а являют свободную творческую волю. В понимании же этически-ориентированных нерелигиозных мыслителей, «Бог – это модель, позволяющая человеку осознать собственное несовершенство. Покаяние представляет первую ступень на пути движения к совершенству. Следующей ступенью является творчество, работа по развитию своих позитивных качеств» [Разин, 2018, с. 57]. Рассуждение автора продолжается показательно – он реинтерпретирует суть христианского покаяния в столь же «человекоисключительном» варианте: «В ортодоксальном христианстве это (покаяние. – А.Г.) в основном понималось как развитие

¹ Здесь и далее понятия «светский», «секулярный» и «нерелигиозный» употребляются как синонимичные, их различия в контексте этой статьи несущественны; как синонимы в этом тексте используются слова «религиозный» и «христианский», если не оговорено иное.

морально-волевых качеств, осмысливалось через представление о богоподобии» [Разин, 2018, с. 57]. Этот и подобные примеры обнаруживают терминологическую омонимию при сущностной несводимости религиозных и секулярных категорий. Некоторые исследователи, впрочем, находят в этом и нечто продуктивное, и достаточно убедительно: так, в статьях «Гносеологический потенциал понятия греха» [Шабалин, 2009] или «Экологический грех: этика, экономика и социальное покаяние» [Durante, 2020] отмечается некоторое положительное влияние концепции греха на действия людей и сообществ, не вовлеченных в религиозный дискурс, хотя и отмечается, что слово «грех» можно заменить на «моральное зло», и это не изменит суть нормативной регуляции¹ (добавлю: именно потому, что для секулярного сознания несущественно извлечение воли Бога из всей конструкции «преступления и наказания»). То, с чем могут работать и религиозные, и секулярные мыслители-моралисты, это человеческое воление, выбор, и именно добровольность выбора переводит грех из «необходимого зла» в поле личной ответственности.

Обратим более пристальное внимание на нашу титульную концепцию «экологического греха». Обострю свой тезис: полагаю, не существует «экологического греха» и «экологического обращения» с точки зрения христианской этики, но у христианского покаяния могут быть экологические *следствия*. С точки же зрения секулярной этики «экологический грех» будет точнее назвать «нарушением экологических правил», «экологическим преступлением» или даже «экоцидом» – помимо снятия нефункционального религиозного смысла, этими квалификациями деяния переводятся в сферу правового регулирования (ср. ранее упомянутые «экологические репарации»), а это гораздо эффективнее для дела экодвижений, чем этические обличения.

Состоятельна ли концепция «экологического греха» в сугубо религиозном (богословском или философском) контексте? Иными словами, добавляет ли эта идея что-то к уже имеющимся этическим или экклезиологическим представлениям? В западном христианстве этот вопрос дискутируется, есть как апологеты, так и критики «нового греха». Сторонники концепции «экологического

¹ См.: [Франк, 2003, с. 351–352].

греха» проводят, например, такую линию защиты: «...разговор об экологическом грехе гарантирует, что мы будем помнить: дело не только в том, что мы можем наносить вред миру природы и разрушать его, но и в том, что этот грех разрушает наши отношения с Богом» [Roewe]. Другой аргумент, разлитый по неформальным дебатам на эту тему: если нечто будет явно названо, христианам будет проще идентифицировать проблему как отдельную и требующую специфического решения. Предположу, что для теистического (христианского) сознания оба обоснования представляются шаткими: систематическое разрушение «общего дома», скорее, *свидетельствует* о том, что закон Божий, записанный «на плотных скрижалях сердца», не слышен человеку, а непонимание всеприсутствия Бога в творении – следствие недостаточного углубления в базисные христианские представления. В таком случае концепция «экологического греха» для религиозного дискурса может иметь дидактические, педагогические цели, но содержательной новизны не обнаруживает.

Как уже было упомянуто выше, «экологический грех» может быть воспринят как одно из последствий первородного греха, приведшего к «тотальной порочности»: «Термин “тотальная порочность” не означает, что человек или общество на сто процентов греховны и лишены хотя бы малейшего намека на добродетель, а, скорее, означает, что не существует ни одного аспекта личности или общества, по-настоящему свободного от греха и способного выйти из греха» [Becker, 1992, p. 155]. Такое представление и такие акценты наиболее характерны для консервативно-протестантской мысли, и в этом случае «экологический грех» может стать одним из множества других «дробных» грехов, и поэтому девальвироваться. Представления о первородном грехе и «тотальной порочности» воспроизводятся не только консервативными христианами, но и, например, феминистически настроенными авторами (иногда антихристианских взглядов), только вместо всего человечества носителями греха и «тотальной порочности» называются, например, «белые мужчины», которые «...никогда при встрече с новым творением не упускали возможности эксплуатировать, насиловать или уничтожить ... При белом мужчине каждая звезда стала бы Южной Африкой, каждая планета – Вьетнамом» [Walker, 1982, p. 265].

Словом, греховность и порочность становятся в секулярном дискурсе одним из инструментов сведения счетов с оппонентом.

Тем не менее в контексте современных экологических рассуждений идеи «тотальной порочности» и первородного греха остаются сравнительно непопулярными. Причина, полагаю, в том, что «тотальная порочность» воспринимается как финальное статическое состояние, в некотором смысле безнадежное, оно приводит к фрустрирующему чувству вины и поэтому препятствует активному действию. Если грех поразил и исказил саму природу человека, есть соблазн и риск замирания: «...есть некоторые экологические теологи, которые будут выступать против акцента на горе, вине и покаянии. Они будут делать это в первую очередь из-за страха, что любой такой акцент на нашей вине ... приведет к парализующему отвращению к себе и бездействию» [Becker, 1992, p. 160]. И действительно, «покаяния отчаяния» (по Артуру Пинку) по поводу конкретного греха – будь то экологический или иной – недостаточно, должно наступить также «покаяние исправления» или «покаяние к спасению», то есть покаяние с последующими действиями, среди которых могут появиться и «экологические репарации». Таким образом, забвение даже религиозными авторами-экоотеологами первородного греха в разговоре о грехе экологическом симптоматично и указывает, возможно, на непоследовательное рассуждение о борьбе с грехом; однако отмечу, что некоторые традиционные деноминации (как то РПЦ) не забывают о своей догматике, впрочем, рассуждая об экологических вопросах скорее вынужденно-дипломатически, чем творчески-заинтересованно.

Критики новой экотеологической терминологии видят в ней не только бесполезность, но и некоторые опасности: «Что касается “экологического обращения”, то я вижу в этом призыв к поклонению “Матери-Земле”» [Baklinski, 2020], – заявил в интервью кардинал Рэймонд Берк. Иными словами, внутрицерковные лидеры видят опасность идолизации природы. Кроме того, локальное «экологическое покаяние» (или даже «экологическое обращение») трудно помыслить отдельно от метанойи: «экологическая метанойя» – лишь одно из следствий покаянных практик, и обособленное рассмотрение подобных следствий препятствует созданию целостной картины духовного события. Замыкание на избранных элементах общей картины – ход, который создает внешнее впечат-

ление этического сужения и болезненной фиксации на частных темах-триггерах. Например, если идет война и уничтожаются люди, города и сёла, происходит гуманитарная катастрофа и в этическом, и в физическом смыслах, то уничтожается и земля, и ратовать за сохранение исключительно растений или животных кажется едва ли не кощунственным. Впрочем, такая постановка вопроса (чья жизнь ценнее) обнаруживает наличие иерархии живых существ, что также является дискутируемой этической проблемой. Укажем также, что именно христиане давно и нередко обвиняются в создании и этико-религиозном оправдании концепции «господства над природой» (*dominion over nature*) вместо «заботы о природе» (*stewardship over nature*) – такие обвинения начались, вероятно, со статьи Линн Уайт «Исторические корни нашего экологического кризиса» (1967) и делятся по сей день.

Добавляет ли концепция «экологического греха» нечто к развитию секулярной этики? Конечно, грех – не философская категория, но она может быть включена в философский словарь, по крайней мере, как метафора, как стилистическая вольность. Идея недолжного, нарушения меры и законов физического мира может быть описана в категориях морального зла и моральной ответственности, – в таком случае термин «грех» представляется избыточным в профессиональном философском лексиконе. И действительно, этический терминологический аппарат разработан и освоен; однако апелляция к «греху» может быть эффективна там, где этические вопросы ставятся, но порог вхождения в профессиональную философскую дискуссию не преодолевается, то есть в любой сфере, внешней по отношению к философскому «цеху» и к церкви (разнообразные общественные дискуссии, СМИ, искусство, публицистика и мн. др.). Более того, авторы и популяризаторы термина «экологический грех», адресуясь ко «всему человечеству», полагая, имеют в виду прежде всего именно эту обширную аудиторию. Термин «грех» для обыденного сознания более напряженный, он ассоциирован с сакральным, даже если человек не имеет теистических представлений, и поэтому «грех» имеет больший обличительный, публицистический потенциал, чем, например, «моральное зло».

Однако призывающие к «экологическому обращению» или «экологическому покаянию», вероятно, рассчитывают не только

на эмоциональное впечатление и переживание слушателей, но и на действие (не будем рассматривать вероятность того, что дискуссия по поводу «экологического греха» – самоцель и лишь вербальная реакция на вербальные же интервенции). В секулярном измерении «экологического греха» благоприятно то, что приемлемо и «локальное покаяние» или, скорее, раскаяние по соображениям совести: поскольку весь комплекс проблем с первородным грехом и «тотальной порочностью» секулярной этикой сущностно не рассматривается, то вполне допустимо и даже желательно исправлять свои ошибки, каясь не во всем своем отступничестве из-за поврежденности самой природы человека, а в конкретных действиях и бездействиях, то есть мотивы и ход такого раскаяния значительно отличаются от религиозного (христианского). Но тогда встает вопрос: не будет ли уместнее использовать иной «словарь», более точно квалифицирующий экологические нарушения: преступление, вина, наказание, смена убеждений, профилактика, репарации, экоцид? Такие привычные юридические или этические категории вводят экологические события в рамки одобрения и порицания, преступления и наказания, то есть «экологический грех» перестает быть факультативным поводом для квазирелигиозного переживания, а полноценно входит в поле зрения общественных регуляторов и притом становится еще одним поприщем для обнаружения нравственного восхождения или нисхождения.

Заключение

Итак, возникшая в 90-е годы прошлого века и ныне распространяемая концепция «экологического греха» имеет непростую судьбу и неясные перспективы: компромиссный термин, претендующий на место в секулярной этике, но крепко связанный с теистическим мировоззрением, едва ли мог бесп проблемно войти в оборот. На поставленный выше вопрос о том, что есть «экологический грех» – полезная новелла, продуктивная метафора или профанация важной религиозной категории – можно ответить так: для религиозного дискурса «экологический грех», скорее, потенциально полезный терминологический раздражитель, способный вызвать внутрицерковную дискуссию для уточнения и обновления (если таковое необходимо) всего комплекса представлений о челове-

ской греховности; для секулярного понятийного аппарата «экологический грех» малопродуктивен, но хорош как яркая обличительная метафора. Так или иначе, вновь зазвучав из уст глав двух христианских деноминаций, тема «экологического греха» ожидает рассмотрения и критики как от представителей иных деноминаций и конфессий, так и от философов-этиков и экотеологов. Надеюсь, эта статья станет небольшой ступенью для дальнейшего ее обсуждения.

Список литературы

- Анисимова Е.Е. Об особенностях религиозного экологического дискурса (на примере энциклики Папы Франциска *Laudato si'*) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 10(839). – С. 39–52.
- Гуренко В.Л. Концептуализация феномена «грех» в современной философии // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2015. – № 9(364), вып. 36. – С. 40–44.
- Иеромонах Мефодий (Зинковский), Павлова Л.П. Грех и покаяние: два вектора развития человеческой личности согласно архим. Софронию (Сахарову) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Т. 21, вып. 3. – С. 281–294.
- Ключан А.Н. Анализ концепта «грех» в русской языковой картине мира на материале художественной литературы // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2016. – Vol. 1, part 6. – P. 160–167.
- Разин А.В. Вина, покаяние, искупление // Философия и общество. – 2018. – № 2. – С. 45–60.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – Москва : Канон-Пресс, 1998. – 416 с.
- Франк С.Л. С нами Бог. – Москва : АСТ, 2003. – 750 с.
- Шабалин И.В. Гносеологический потенциал понятия греха // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2009. – Вып. 15, № 42(180). – С. 26–30.
- Baklinski P. Cardinal Burke warns faithful about calls for “ecological conversion”. – <https://www.lifesitenews.com/news/cardinal-burke-warns-faithful-about-calls-forecological-conversion> (дата обращения: 12.07.2024).
- Becker W.H. Ecological Sin // Theology Today. – 1992. – Vol. 49, issue 2. – P. 152–164.
- Connolly H. Ecological Sin: Novelty or Necessity? // Continental Thought & Theory: a Journal of Intellectual Freedom. – 2021. – Vol. 3, issue 2. – P. 78–90.
- Pan-Amazon Bishops' Synod, New Paths For The Church And For An Integral Ecology Vatican News Final Document, Synod on the Amazon. – <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2020-02/final-document-synod-amazon.html> (дата обращения: 15.07.2024).
- Pope Francis. Encyclical Letter *Laudato Si'* (On Care for Our Common Home). – http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (дата обращения: 15.07.2024).

- Roewe B. What is ecological sin? – <https://www.ncronline.org/earthbeat/faith/what-ecological-sin> (дата обращения: 12.07.2024).
- Walker A. Only Justice Can Stop a Curse. – Philadelphia : New Society Publishers, 1982.
- Durante C. Ecological Sin: Ethics, Economics, and Social Repentance // Journal of Orthodox Christian Studies. – Vol. 3, no. 2. – 2020. – P. 195–214.

References

- Anisimova, E.E. (2020). Ob osobennostyakh religioznogo ekologicheskogo diskursa (na primere entsikliki Papy Frantsiska “Laudato si”) [On the Peculiarities of Religious Ecological Discourse (Based on the Example of Pope Francis’ Encyclical “Laudato si’ ”)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 10(839), 39–52.
- Gurenko, V.L. (2015). Kontseptualizatsiya fenomena “grekh” v sovremennoi filosofii [Conceptualization of the phenomenon of “sin” in modern philosophy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 9(364), 36, 40–44.
- Ieromonakh Mefodii (Zinkovskii), Pavlova, L.P. (2020). Grekh i pokayanie: dva vektora razvitiya chelovecheskoi lichnosti soglasno arkhim. Sofroniyu (Sakharovu) [Sin and repentance: two vectors of development of the human personality according to Archimandrite Sophronius (Sakharov)]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, t. 21, 3. 281–294.
- Klochan, A.N. (2016). Analiz kontsepta “grekh” v russkoi yazykovoi kartine mira na materiale khudozhestvennoi literatury [Analysis of the concept of “sin” in the Russian linguistic picture of the world based on fiction literature]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 1, part 6, 160–167.
- Razin, A.V. (2018). Vina, pokayanie, iskuplenie [Guilt, repentance, atonement]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2, 45–60.
- Russo, J.-J. (1998). *Ob obshchestvennom dogovore* [The social contract]. Moscow: Kanon-Press, 416 p.
- Frank, S.L. (2003). *S nami Bog* [God is with us]. Moscow: AST, 750 p.
- Shabalin, I.V. (2009). Gnoseologicheskii potentsial ponyatiya grekha [The epistemological potential of the concept of sin]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 42(180), 26–30.
- Baklinski, P. Cardinal Burke warns faithful about calls for “ecological conversion”. – <https://www.lifesitenews.com/news/cardinal-burke-warns-faithful-about-calls-forecological-conversion> (12.07.2024).
- Becker, W.H. (1992). Ecological Sin. *Theology Today*, vol. 49, issue 2, 152–164.
- Connolly, H. (2021). Ecological Sin: Novelty or Necessity? *Continental Thought & Theory: A Journal of Intellectual Freedom*, vol. 3, issue 2, 78–90.
- Pan-Amazon Bishops’ Synod, *New Paths For The Church And For An Integral Ecology Vatican News Final Document*, Synod on the Amazon. <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2020-02/final-document-synod-amazon.html> (15.07.2024).

Pope Francis. *Encyclical Letter Laudato Si'* (On Care for Our Common Home). http://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (15.07.2024).

Roewe, B. *What is ecological sin?* <https://www.ncronline.org/earthbeat/faith/what-ecological-sin> (12.07.2024).

Walker, A. (1982). *Only Justice Can Stop a Curse*. Philadelphia: New Society Publishers.

Durante, C. (2020). Ecological Sin: Ethics, Economics, and Social Repentance. *Journal of Orthodox Christian Studies*, 3(2), 195–214.

Об авторе

Ганелина Анна Фёдоровна – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук; ассистент, философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, anna.fed.mak@gmail.com

About the author

Ganelina Anna Fedorovna – PhD in Philosophy, research fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; assistant at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, anna.fed.mak@gmail.com